

Екатерина Зинькова

Светлана Зинькова

Хлебалова форева,
или
Херейский

ЭК
С
ПЕРМ
ШЕ
ИТ

Екатерина Зинькова
Светлана Зинькова
Хлебалова форевере, или
Херейский эксперимент.
Сказка для взрослых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22144149
ISBN 9785448348266

Аннотация

Рот кота вдруг скривился в усмешке, затем приоткрылся, и Матильда отчетливо услышала:– Чё встала? Проходи, будь как дома...

Хлебалова форевере, или Херейский эксперимент Сказка для взрослых

Екатерина Зинькова
Светлана Зинькова

*За облаками, поверх границ
Ветер прильнёт к трубе
И понесёт перелётных птиц
Вдаль от меня к тебе.*

Андрей Макаревич

Дизайнер обложки Светлана Алутина

© Екатерина Зинькова, 2018

© Светлана Зинькова, 2018

© Светлана Алутина, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4483-4826-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Летающая тарелка пришельцев третий день барражировала в плотных слоях атмосферы, в непосредственной бли-

зости от объекта наблюдения – форточки академика Каца. Яков Моисеевич Кац проживал в панельной девятиэтажке в центре провинциального города Арх-ска. В научных кругах города академик был известен своей рассеянностью, а также тем, что был, собственно, единственным академиком в городе.

Пришельцы проделали нелёгкий путь через миллионы световых лет с единственной целью: долгие годы они были заняты проблемой создания нового человека, венца природы и гармонии. Предыдущие три попытки на других планетах Вселенной потерпели фиаско. Первые две планеты были населены разумными микробами, а третья – разумными головастиками. Ни из тех, ни из других новый человек по уважительной причине не получился.

Объектом нового эксперимента, четырьмя голосами против одного, был выбран академик Кац.

В настоящее время к заброске в его квартиру готовился бот-разведчик, начинённый передающей и принимающей аппаратурой. Пошёл обратный отсчёт. Прозвучала команда «Старт!» И через секунду экспериментаторы с ужасом наблюдали неровный, зигзагообразный полёт бота в форточку... закрытую форточку соседней квартиры.

Матильда Хлебалова пришла домой позже обычного. Смена выдалась нелёгкая. Казалось, троллейбус, на котором она работала водителем, притягивал к себе в этот день всех

ненормальных автовладельцев и пешеходов.

Сняв в прихожей оранжевый сигнальный жилет и положив на полочку у зеркала ручку реверса, Хлебалова прошла в комнату и остолбенела. Осколки стекла из разбитой форточки смешались на полу с осколками посуды из серванта, а также с обломками телевизора, радиоприёмника и проигрывателя пластинок. Куча разбитых виниловых пластинок лежала тут же. Венчал её стоящий в центре блестящий тарелкообразный предмет из непонятного материала. «Всё дело в этой тарелке», – почему-то сразу поняла Хлебалова. Может быть, потому, что жила в квартире одна и никаких особенных безумств, могущих привести к подобным последствиям, за собой не помнила.

День выдался по-настоящему тяжёлым, картина, представшая уставшим глазам Матильды, совершенно не радовала, но врождённый оптимизм и воля к жизни, о которых говорил уже тот факт, что Хлебалова работала на общественном транспорте без малого десять лет, сделал своё дело. Истерики не последовало.

На борту корабля пришельцев царило оживление, больше напоминавшее панику. Члены экипажа громко телепатировали друг другу мысли и размахивали оранжевыми от возмущения щупальцами. А поскольку каждый взмах сопровождался выбросом пахучих веществ – воздух в рубке был, мягко говоря, спёртым. Общий смысл телепатических высказы-

ваний сводился к одному: эксперимент под угрозой! Несмотря на многочисленные проверки, единственный бот-разведчик в решающий момент оказался неуправляемым. О том, чтобы вывести его из квартиры Хлебаловой и произвести повторный запуск в форточку академика, не могло быть и речи. После трёхчасовых (по земному времени) прений – тремя голосами против двух – было принято решение о продолжении эксперимента со сменой объекта исследования. О новом потенциальном объекте было известно лишь то, что это женщина, зовут её Матильда Хлебалова, ей нет ещё тридцати земных лет, она одинока и работает водителем троллейбуса. Необходима была дополнительная информация. Её источником мог стать бот-разведчик, лишившийся управления, но сохранивший остальные важные функции. В том случае, разумеется, если Матильда в процессе уборки не вынесет его на помойку. Следующие три часа притихшие после принятия судьбоносного решения носители инопланетного разума с волнением прислушивались к звукам чудом уцелевшего в телерадиоармагеддоне пылесоса, доносившимся из динамиков рубки.

В девять часов вечера уставшая Хлебалова убрала пылесос в кладовку, поставила блестящую, местами переливающуюся, словом, очень симпатичную тарелку на место разбитой посуды в сервант и прилегла на диван. На душе было удивительно спокойно.

Чёткий механический голос звучал в тишине однокомнатной квартиры: «Землянин! К тебе обращаются посланцы планеты Альтаир из созвездия Орла. Сами мы называем свою планету Хере, что означает в переводе с херейского — „Прекрасная планета залитая нафиг зелёной водой“. Мы пришли с миром. Наша цель – создание нового человека на Земле. Ты избран быть объектом эксперимента. Эксперимент пройдёт в два этапа. На первом – все твои разумные желания, высказанные вслух в непосредственной близости от бота-разведчика, будут немедленно выполняться с целью изучения нами природы человеческих желаний. Второй этап наступит, соответственно, после окончания первого и будет заключаться в создании нового, совершенного, гармоничного человека в лабораторных условиях нашего судна».

К тому времени, когда в боте-разведчике включилась запись обращения, Матильда уже двадцать пять минут спала. Херейцы об этом не знали. Эксперимент начался.

Утро следующего дня было как две капли воды похоже на каждое летнее субботнее утро. Пьяница и дебошир Петька Олькин, переквашенный обычно с вечера пятницы, орал и матерился на балконе девятого этажа. Заканчивалось это всегда одинаково. Помочившись с балкона на возмущённую общественность, Петька с чувством выполненного долга шёл гонять по подъезду замученную и безучастную ко всему супругу.

Не вставая с дивана, Матильда беззлобно выругалась и подумала вслух: «Интересно, неужели он так и не свалится с балкона? Пьяный ведь вдрабадан».

Поняв, что больше не уснёт, Хлебалова со вздохом откинула плед и пошла на кухню ставить чайник.

В четвёртый раз прослушав запись, переданную ботом-разведчиком, пришельцы с планеты Хере задумчиво шевелили усиками-антеннами. Вопрос буквально висел в воздухе: считать ли фразу Хлебаловой о возможности падения дебошира Олькина с собственного балкона пожеланием или же данное желание не было достаточно точно сформулировано, чтобы считаться таковым? В конце концов через тридцать минут херейцы почти единогласно решили, что в столь важном деле, как межгалактический эксперимент, пренебрегать мелочами не следует, и судьба Петьки Олькина была решена.

Матильда успела вскипятить чайник, положить в любимую чашку ложечку растворимого кофе и залить его водой, когда во дворе раздался вой серен и по стенам хлебаловского и соседних домов заплясали красные и синие отблески мигалок. Хлебалова подошла к окну. Во двор въезжали машины милиции и скорой помощи. Под балконами, в окружении жадных до зрелищ соседей, в неестественной позе лежал Олькин. «Отгадился», — с приличной случаю грустью по-

думала Матильда. Неловко повернувшись, она задела стоящую на столе чашку и, не дожидаясь окончания её короткого полёта, задумчиво полезла доставать из стенного шкафчика другую, точно такую же.

На планете Хере субботний день не считался выходным, поэтому на борту межгалактического крейсера полным ходом шло производственное совещание. Обсуждался вопрос введения в эксперимент дополнительного объекта исследования. Земная фауна при ближайшем рассмотрении оказалась значительно разнообразнее, чем предполагалось. Связи диких и домашних её представителей с человеческими особями, несомненно, достойны были более тщательного и глубокого изучения. К сожалению, проследить связи Матильды Хлебаловой с кем-либо не представлялось возможным по причине их полного отсутствия. В данный момент решался вопрос о привлечении в качестве дополнительного объекта эксперимента дворового кота Василия, отличавшегося независимым характером, а также умом и сообразительностью. Для облегчения исследований предполагалось предоставить Василию на время эксперимента возможность членораздельно высказывать свои мысли в присутствии Хлебаловой и бота-разведчика.

Матильда планировала провести выходной день с толком и не без приятности. На швейной машинке в комнате уже

неделю лежали лоскутки разноцветной ткани, из которых она собираласьшить прихваток и кухонных полотенец. В ванной дожидалась стирки куча грязной рабочей одежды. А с тумбочки у дивана манил яркой обложкой новый любовный роман. В предвкушении тихого, в приятных хлопотах дня Хлебалова наполняла любимую чашку чёрным обжигающим кофе, когда в дверь позвонили.

– Кто? – спросила Матильда, подходя к двери.

«Дед Пихто!» – подумал кот, но вслух сказал:

– Василий это. Открывай, давай.

Щёлкнул замок, дверь приоткрылась на длину цепочки. На уровне глаз Матильды никого не было. К тому времени, когда Хлебалова перевела взгляд ниже, Василий был уже в кухне. «Шутит кто-то», – подумала Матильда, закрывая дверь.

– Ну, где ты там? – слышалось из кухни.

Автоматически Хлебалова сделала шаг и остановилась в дверях. У кухонной плиты, глядя на неё жёлтыми нахальными глазами, сидел обычный полосатый кот. Рот кота искривился в усмешке, затем приоткрылся, и Матильда отчётливо услышала:

– Чё встала? Проходи, будь как дома!

Родители Хлебаловой оставили её на бабушку, когда Матильде было три года. Старшие Хлебаловы занимались историей марксизма-ленинизма, и в один прекрасный день отправились в Шушенское, чтобы жить там, в ленинском ша-

лаше и писать очень важные и, несомненно, нужные всем советским людям исследования. А может быть, даже (чем чёрт не шутит!) диссертации. Они, наверняка, очень любили друг друга, раз выбрали для себя рай в шалаше. Матильде нравилось думать так и считать себя плодом этой любви. С бабушкой ей жилось неплохо. Старушка души в ней не чаяла и охотно прощала немногочисленные детские шалости. Так и получилось, что Хлебалова выросла добродушной и уравновешенной. Эти достойные уважения качества не раз выручали Матильду после смерти любимой бабушки. Не подвели они и сейчас. Несмотря на пустоту и какую-то лёгкость в голове, Хлебалова смогла устоять на ногах и, вообще, довольно быстро пришла в себя. «Что за хрень такая?» – подумала она, когда смогла, наконец, это сделать.

Кот не исчезал. Он спокойно осматривался и, казалось, не обращал уже на хозяйку никакого внимания. Здоровая, нетронутая высшим образованием и семейным бытом психика изо всех сил подсказывала Матильде самый логичный в этой ситуации вывод: кот самый обыкновенный. Кошки не могут говорить. Хлебаловой просто-напросто пару раз слышалось. Покой готов был восстановиться в хлебаловской душе, когда кот сказал:

– Этаж-то у нас третий? А балкон есть?

На секунду Матильде стало ужасно жалко запланированного приятного выходного дня. Появившиеся откуда-то предчувствия ничего хорошего не предвещали. В то же вре-

мя в душе теплилась надежда на оставшийся воскресный выходной. Пока Хлебалова пыталась разобраться в себе, кот подошёл к кухонному столу и легко запрыгнул на подоконник.

– Видела, утром Петька Олькин с балкона навернулся?

– Ты всех жильцов по именам знаешь? – машинально спросила Матильда и вяло подумала: «С ума сойти, с котом разговариваю».

– Конечно, – рассудительно ответил кот, – я ведь в этом доме мусором заведую. По мусору много чего узнать можно. И имя, и фамилию, и кто что из продуктов предпочитает.

– Понятно. А про меня, например, что знаешь?

– Ты – Матильда Хлебалова, живёшь одна. Мужиков у тебя дома вообще никогда не бывает.

С мужчинами у Матильды, в самом деле, как-то не складывалось. Несмотря даже на то, что работала она в мужском коллективе. По молодости она ещё пыталась как-то устроить свою личную жизнь. Ходила с этой целью в турпоходы и ездила дикарём в город Сочи. Душевная атмосфера походов с песнями у костра ей очень нравилась, несмотря на то, что семейное положение её от этого не менялось. А в городе Сочи Матильда познакомилась с москвичом Виктором. Они встречались два дня в окружении магнолий и их ядовитого запаха. Хлебалова успела принять за оргазм приступ начинающейся астмы, когда они выбрались, наконец, к морю. Свежий воздух быстро привёл москвича в чувство...

Всю юность и раннюю молодость Хлебалова наблюдала, как знакомые мужчины упорно выбирают в жёны самых стервозных её подруг. Живут с ними, разводятся и находят более молодых и ещё более стервозных. Отчаявшись понять загадочную мужскую душу, Матильда в преддверии тридцатилетия вела спокойную, размеренную жизнь старого холостяка. Жизнь эта её вполне, казалось, устраивала, но сейчас слова незнакомого говорящего кота задели вдруг за живое.

– Не твоё кошачье дело, понятно? Припёрся без приглашения и умничает, – не сдержала раздражения Хлебалова.

– Понятно, чего ж непонятного, – лениво мурлыкнул кот, развалившись на подоконнике и спокойно глядя на Матильду прищуренными глазами. – Ты спросила – я ответил. Не нравится – не спрашивай.

– Ладно, – отходчивая Хлебалова уже пожалела о секундной вспышке и, пройдя к столу, предложила:

– Может, поешь чего? У меня со вчерашнего обеда рыба осталась жареная. Думала, вечером доем, так весь вечер осколки из комнаты выметала. Фигня какая-то в форточку залетела. Половину нажитого непосильным трудом переколотила!

Кот оживился, пружинисто приподнялся на всех четырёх лапах и грациозно прыгнул с подоконника.

– Доставай свою рыбу. Попробуем, – сказал он, выбирая взглядом тарелку на сушилке над раковиной. – Положи вон в ту, с кошечками. И молока налей, если есть.

Хлебалова повернулась к холодильнику и полой халата смахнула со стола чашку с остывшим кофе. Кот в секунду оказался на подоконнике и оттуда наблюдал, как Матильда, открыв шкафчик, выбирает из ряда совершенно одинаковых чашек следующую любимую.

– Ну ты ловкая, в натуре. Офигеть, – опуская шерсть на спине, проворчал Василий. – А я всё думаю, кто у тебя в квартире чашки колотит в таких количествах?

– Ладно, не нуди. На наш век фаянса хватит, – легкомысленно отмахнулась Хлебалова. – Слушай, ты не мог бы из ванной тряпку принести? С пола вытереть надо.

– Что я – пудель карликовый, всякую гадость во рту носить? – нервно дёргая кожей на спине и боках, неподдельно возмутился кот. – Слушать и то обидно!

– Ну, нет, так нет, – легко согласилась Матильда. – Делать мне больше нечего, как только трудовым воспитанием малознакомых котов заниматься. Не хочешь помогать – не надо. Обедать у себя на помойке будешь. Рыбу я и сама прекрасно доем.

– Тяжело всё-таки с тобой общаться, Хлебалова! – направляясь в сторону ванной, проворчал кот. – Злобная ты какая-то и негостеприимная.

– Я тебя в гости не приглашала, – повторилась Матильда, складывая осколки в пластиковый пакет.

Из ванной с тряпкой в зубах и брезгливым выражением на морде вышел кот. Тряпка путалась у него в лапах и тормо-

зила движение. Василий высоко поднимал голову и бил себя по бокам полосатым хвостом. Сжалившись, Хлебалова шагнула навстречу и забрала тряпку из кошачьих зубов. Васька фыркнул и принялся яростно намывать языком манишку и живот. Матильда вытерла пол и поставила в уголок кошачью тарелку со вчерашней рыбой. День незаметно клонился к вечеру.

Ближе к ночи кот засобирался на прогулку «по кискам». Попросил Хлебалову выпустить его и не закрывать на ночь форточку в комнате.

– Приду рано... Ты ещё спать будешь! – важно бросил он через плечо, направляясь в прихожую.

– Форточку открою, но с асфальта тебя соскрести откажусь! – задетая его неожиданным высокомерием, сказала Хлебалова. – Если тебе слава Петьки Олькина покоя не даёт, то учти, что третий этаж – не девятый, а ты не Петька. Так, как он, не прогремишь.

– Ладно! Цигель-цигель, ай-лю-лю! – зашепел Василий, протискиваясь в приоткрытую входную дверь. – Пока, Хлебалова! Спокойной ночи! Не кашляй!

Наглость кота поражала.

Неделю назад частный предприниматель и владелец небольшой фирмы Юрий Андреев был женатым человеком. Ещё он был очень счастлив, но не подозревал об этом. Вчера вечером Андреев вернулся с рыбалки, на которую каж-

дое лето традиционно выкраивал несколько дней в плотном рабочем графике, и узнал, что, пока он отсутствовал, жена Алина ушла к его лучшему другу и конкуренту в бизнесе Сергею.

Акция, явно, планировалась заранее. Теперь, когда у Андреева открылись глаза, он вспомнил частые визиты друга-холостяка, взгляды, которые тот бросал на Алину, многозначительные фразы «для двоих», которым не придавал значения.

В свои двадцать семь лет Юрий был очень неплохим предпринимателем, дела у фирмы шли хорошо. И он, и Алина могли ни в чём себе не отказывать. Андрееву всегда казалось, что в семье у него полный порядок. Предательство жены и лучшего друга буквально вдребезги разбило сердце молодого человека. Налаженная годами привычная жизнь тоже превратилась в обломки.

Ночь Андреев провёл в опустевшей квартире, пытаясь справиться с мыслями и успокоиться. К утру он понял, что ни то, ни другое пока невозможно. Ярость и жажда мести уступили место апатии. Горе ворочалось внутри чёрным холодным комком, не давая расслабиться. Думать о чём-то другом было невозможно, и постепенно в голове образовался один комок, напряжённый и пульсирующий. Юрию казалось, что он того и гляди сойдёт с ума. Как ни странно, даже такая перспектива не пугала. Думалось, что хуже, чем сейчас, всё равно уже не будет. Известно, время лечит. Но как пережить

это время? Сжавшись в клубок под одеялом, слоняясь по городу, в тщетных попытках убежать от самого себя?

Андреев надел ветровку, взял с собой плеер и мобильник и вышел на улицу. Он не задумывался над тем, куда идёт, ноги сами принесли его к мосту через местную речку, грязную и непригодную для купания, но слегка оживлявшую городской пейзаж. Облокотившись на перила, Юрий смотрел на тёмную, тяжёлую воду. В наушниках, как по заказу, звучало: «Разбежавшись, прыгну со скалы. Вот я был, и вот меня не стало...». Прежде Андреев не понимал, почему самоубийц считают слабыми людьми. Казалось бы, очень просто пересилить инстинкт самосохранения и собственноручно лишиться себя жизни. Сейчас вдруг оказалось, что бывают такие минуты, когда смерть становится настоящим избавлением. Река притягивала, обещая ПОКОЙ. «...Тогда поймёшь, кого ты потеряла». Нет. Никто ничего не поймёт. Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы. Время лечит. Нужно собраться и пережить это горе. Тёмная вода сомкнулась над плеером. Следом полетел мобильный телефон, подаренный Алиной в прошлой жизни...

В круглосуточном баре на другом конце города посетителей, кроме Андреева, не было. Девушка за барной стойкой, первые два часа пытавшаяся строить глазки симпатичному молодому человеку, наконец, успокоилась и занялась своими делами. Юрий сидел за столиком в тёмном углу и безуспешно пытался залить горе старым народным способом. Орга-

низм, не привыкший к алкоголю, держался стойко и «лекарство» не принимал. Пару раз «попугав» местный унитаз, Андреев взял нераспечатанную бутылку водки и вышел на улицу. Солнце уже высоко поднялось над городом. Шелестящие листьями на лёгком ветерке деревья парка манили прохладой. Усевшись на скамейку в тени, Юрий открыл бутылку, сделал глоток из горлышка и задумался. Не исключено, что он был не самым лучшим мужем. Мало времени проводил с женой, приходил с работы уставший, забывал поздравить Алину с годовщиной их свадьбы, редко дарил цветы. Теперь всё это в прошлом. Можно сожалеть о чём-то несделанном, но исправить ничего нельзя. Андреев уже никогда не сможет быть с Алиной, даже если она захочет вдруг вернуться к нему. Просто, не сможет ей верить. И вот эта невозможность будущего с любимым человеком была, пожалуй, самым большим несчастьем. Автоматически отпив из бутылки, Юрий поднялся и бесцельно побрёл по аллее. Солнце припекало. Сознание наконец помутилось. А после нескольких глотков отключилось окончательно. Тело же продолжало движение к выходу из парка и далее, в сторону подъезда Матильды Хлебаловой.

Утром в воскресенье Хлебалова проснулась позже обычного. Кот уже вернулся и спал, растянувшись на паласе. Когда Матильда встала с дивана, он даже не пошевелился. Видимо, прогулка удалась.

Хлебалова прошла на кухню, наполнила чайник водой и поставила его на плиту. Достала из шкафчика банку растворимого кофе и любимую чашку. Настроение с утра было благостным, и, подумав мгновение, она наполнила кошачью тарелку молоком, решив простить Василию вчерашний выпендрёж.

Матильда подсушивала на сковороде кусочки батона, когда в кухне, потягиваясь, нарисовался кот.

– Что у тебя там за тарелка в серванте стоит? Что-то она мне напоминает, – хриплым со сна голосом поинтересовался он вместо приветствия и привычно запрыгнул на подоконник.

– Мне она много что напоминает, – проворчала Хлебалова, не отрываясь от своего занятия, – посуду, например, разбитую напоминает или телевизор. Телевизор я вообще предпочла бы сейчас смотреть, а не вспоминать, – отчётливо добавила она, повернув голову в сторону гостиной.

В ту же секунду кот на подоконнике насторожился и заинтересованно уставился на безлюдный ещё по утреннему времени двор.

– Надо же! Только мы про телек заговорили и – пожалуйста! Шлёпает какой-то перец через двор в такую рань и телевизор без коробки куда-то тащит. Свистнул что ли?

Потом придвинул ушастую голову поближе к окну и заорал не своим голосом:

– Хлебалова! Суй лапы в тапки, включай четвёртую ско-

рость, понеслись галопом! Этот гражданин, дай ему бог здоровья, телевизор почти новый к мусорному контейнеру поставил и уходит. Может, его починить ещё можно (телевизор, конечно, а не придурка).

Матильда и кот, отталкивая друг друга, бросились к уличной двери. Кот при этом получил пару смачных пинков хлебаловскими тапками под мягкий животик. Телевизор ещё стоял у контейнера. Хлебалова легко подняла его за пластиковый корпус и, игнорируя почему-то лифт, по лестнице подняла на третий этаж.

В квартире воняло сгоревшим батоном. Матильда выключила плиту под сковородой и настезь открыла кухонное окно. Телевизор ещё стоял на полу в прихожей. Не без торжественности его пронесли в комнату и установили на тумбочку у дивана. Вилка была на месте. Это не особенно удивляло после того, как на месте оказались антенна и пульт. Включённый через секунду в сеть телевизор уютно щёлкнул и засветился работающим экраном. Хлебалова радостно взвизгнула и поймала себя на том, что прижимает к груди позавчера ещё незнакомого кота.

– Слушай, а что бы мы, интересно, делали, если бы он неисправным оказался? – ни с того ни с сего спросил кот. – Мужика ведь в доме нет.

– Не знаю, что с ними обычно делают. В мастерскую понесла бы, наверное, или мастера бы позвала.

Хлебалова оставила в покое кота и застыла, глядя в одну

точку.

– Не получается у меня с мужиками, – разоткровенничалась она, испытывая к полосатому прохвосту чувства благодарности за неожиданно обретенный телевизор. Кот тоже притих.

– А по объявлению знакомиться не пробовала? – без обычной издёвки поинтересовался он.

– Не пробовала. У нас на работе некоторые пробовали. Фигня сплошная получается, – также серьёзно ответила Матильда. – Представляешь, мне не разу в жизни мужчины не дарили цветов. Так, чтобы не на день рождения или там восьмое марта, а просто так, от большой любви: ни-ко-гда! Грустно как-то, особенно вечерами. Иногда думаю: был бы тут у меня какой-нибудь мужичок, даже плохонький. Лежал бы на диване у телевизора, и мне, глядишь, не так одиноко вечерами было бы.

Неуверенно звякнул дверной замок. Под впечатлением от разговора с котом Матильда, забыв накинуть цепочку, распахнула дверь и чуть не упала под тяжестью потерявшего опору пьяного молодого человека.

– Это ещё что такое? – риторически спросила она, скидывая расслабленное тела на линолеум прихожей.

– Мужчина по заявкам, практически, по вызову. И не сильно плохонький. Одна ветровка только стошку баксов стоит, – не удержался от комментариев кот.

– И что мне с этим красавцем делать? Обрато на лест-

ничную площадку выкинуть? – вконец растерялась Хлебалова.

– Ботинки за полштуки баксов на лестницу выкидывать? – офонарел кот. – Поволокли его в комнату. Проспится – разберёмся.

В комнате мужчину уложили на палас у дивана, после чего передвижение по комнате сделалось проблематичным. Молодой человек не был ни низкорослым, ни тщедушным. Пару-тройку дней назад бывшие чистыми ботинки остались в прихожей. Хлебалова, сидя на диване, рассматривала находку. Кот тоже смотрел на мужчину, расположившись возле его головы.

– Знаешь, мне кажется, у него профиль симпатичный. Ты как считаешь? – неожиданно выдал кот.

– По-моему, фас тоже ничего, – машинально ответила Хлебалова.

– Не надо про «фас». У меня это слово неприятные ассоциации вызывает, – блеснул эрудицией кот и лапкой зачем-то покачал туда-сюда голову мужчины.

– Голову не качай, – мгновенно отреагировала Матильда, – а то его ещё, не да бог, стошнит на мой палас.

– Не палас и был, – легкомысленно отмахнулся кот.

– Не голова и была, – Хлебалова занесла руку с пультом над кошачьими ушами.

– Нервные все какие-то. Пошутить нельзя, – попятился из-под пульта кот.

Присутствие даже в таком коматозном состоянии мужчины в доме как-то сразу благотворно сказалось на Матильде. Она оживилась, вроде даже похорошела, стала деятельной и энергичной. Не находя себе дела на диване и не в силах оставаться на одном месте, Хлебалова метнулась к бабушкиному комоду, выдвинула нижний ящик и присела на корточки над его содержимым. Кот, заскучав, поплёлся на кухню к тарелочке с молоком. Когда, полакав молока и тщательно облизав усы и щёки, Василий вернулся в комнату, его глазам предстала, не побоимся этого слова, ФЕЕРИЧЕСКАЯ картина. Перед зеркалом в лодочках на низком каблуке и чёрном парике «а-ля Наталья Варлей», в платье с широким подолом и обтягивающим корсетом, замечательно подчёркивающим почти полное отсутствие у неё талии и бюста, поливалась духами «Красная Москва» радостно-оживлённая Хлебалова. И без того небольшие глаза Матильды были подведены жирными чёрными «стрелками», а губы увеличены шире естественного контура оранжевой, почему-то, помадой. Василий бочком протиснулся в комнату, не сводя с Хлебаловой широко открытых глаз с расширенными зрачками.

– Ну ты, блин, красавица, – не удержался он.

– Тёмный ты, Василий! Смотри и запоминай. Именно так выглядели реальные девчонки в шестидесятых годах.

– Ты главное сейчас, в двухтысячных, осторожненько ходи, а то проснётся наша «недвижимость», увидит хрупкую беззащитную женщину, с оранжевым гудком на пол-лица,

и решит надругаться над тобой, не дай бог...

Хлебаловой второй раз за день взгрустнулось.

– Помаду я к сигнальному жилету подбирала, – рассеянно сказала она и, помолчав, добавила: – Представь, за тридцать лет ни единой попытки изнасилования. Думаешь, не обидно?

Кот не успел ничего ответить. Входная дверь с грохотом распахнулась. На пороге гостиной, как-то разом, возникли три могучие фигуры в камуфляже. Матильда и кот застыли с открытыми ртами в не самых естественных позах. Василий – с задней лапой за ухом, которое собрался, было, почесать. Хлебалова – согнутая в три погибели, с багровым от усердия лицом, пытающаяся всё ещё снять «лодочку» тридцать седьмого размера с ноги тридцать девятого.

Глаза налётчиков в прорезях масок стали вдруг какими-то растерянными. Они неловко переминались на месте и, кажется, напрочь забыли, зачем пришли. Наконец, самый смелый из них сделал шаг вперёд и хриплым от волнения голосом сказал:

– Нам бы показания счётчика снять.

– Счётчик на лестничной клетке, – автоматически ответила Матильда.

– Спасибо большое, – расшаркались визитёры, пятясь к выходу и судорожно закрывая за собой дверь.

– Ну чистый Версаль! – хмыкнула, приходя в себя, Хлебалова. – Только что масками над полом не махали, когда

раскланивались!

– Странная ты всё-таки, Хлебалова! То цветы тебе подавай, то изнасилования! – как обычно не вовремя выступил с критикой кот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.